

Михаил Ведерников

Особенности политической трансформации в постсоциалистических Чехии и Словакии

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция политической трансформации в Чехословакии (Чехии и Словакии) после «бархатной революции» 1989 г. За падением социализма последовало формирование новой политической системы, которая создавалась практически «с нуля» по образцу западноевропейских парламентских демократий. Впрочем, процесс приобрел и особые центральноевропейские черты: усиление президентской ветви власти, рост авторитарных тенденций, относительная слабость партийных структур и т.д.. Однако спустя некоторое время эти «аномалии» исчезли. Свидетельством завершения трансформации политического строя по демократическому образцу, как показано в работе, стало 1). чередование левых и правых правительств в результате свободных выборов; 2). Практика формирования коалиционных правительств и 3). Возможность не только сменяемости, но и продолжения нахождения партий у власти в течение двух сроков подряд.

Ключевые слова: «бархатная революция», Чехословакия, перестройка, трансформация, В. Гавел.

Особенности «бархатной революции» в Чехословакии

Оценивая масштаб перемен после 1989 г., английский историк Тимоти Гартон Эш отмечал разную протяженность пути, который преодолели центральноевропейские народы ради успеха «бархатных революций»: «В Польше он длился 10 лет, в Венгрии 10 месяцев, в ГДР 10 недель, а в Чехословакии 10 дней» (Before the Berlin wall Fell..., 2019: 67). Такое сравнение выглядит эффектным, хотя и не всегда обоснованным. Однако автор прав в том, что к революциям здесь не готовились синхронно. В Чехословакии практически в течение недели прежний коммунистический строй был демонтирован и на его место пришел демократический, содержание которого на тот момент было мало кому понятно, за исключением небольшой группы интеллектуалов-диссидентов. В прежнее время они были лишены возможности личной самореализации в рамках социалистического государства из-за неприятия официальной идеологии и непримиримой позиции по отношению к ней. В этой связи они активнее других включились в процесс реформирования государства, что, впрочем, не совсем соответствовало запросам обывателей. Подтверждение широкого разброса мнений среди населения накануне «бархатной революции» можно найти в докладах представителей советской печати в Чехословакии, которые в 1989 г. активно информировали о положении дел в стране (См.: Беляев 2020: 289)¹.

В соответствии с их отчетами, только 3% граждан считало, что Чехословакия должна была идти по капиталистическому пути развития; большинство выступало за определенный компромисс между социалистическими и капиталистическими моделями развития (52%) и 41% ратовали за сохранение социалистического пути. Денационализация крупных предприятий, как правило, отвергалась. 73% граждан отрицали необходимость её проведения в отношении промышленных предприятий, в сельскохозяйственном секторе несогласие было ещё выше достигая 83%.

В области внешней политики народ выражал требование большей открытости «в обе стороны», особенно в экономическом сотрудничестве (73%); 60% граждан полагало, что чехословацкий внешнеполитический курс не должен был опираться исключительно на союз с СССР. Принцип коллективной безопасности в рамках ОВД чаще всего принимался (47%), чем отвергался.

Мнения людей по отдельным вопросам в значительной степени расходились в зависимости от их принадлежности к Гражданскому форуму (ГФ), Общественности против насилия (ОПН), политическим движениям,

1 И. Беляев в работе, посвященной В. Гавелу, приводит данные опросов общественного мнения за декабрь 1989 г., которые соответствуют сводкам советских дипломатов.

возникшим на волне протестного движения, или Коммунистической партии (КПЧ); в меньшей степени такая поляризация зависела от уровня образования, возраста, места жительства или национальности. Опросы общественного мнения показывали, что 47% поддерживали ГФ и ОПН (в Праге 57%). Люди оказывали доверие, прежде всего, тем организациям и движениям, которые до сих пор не участвовали в политической жизни. Также стоит отметить, что треть граждан считала, что ГФ и ОПН стремились захватить власть (34%). С КПЧ связывали свои надежды на будущее лишь 16% граждан, лучшие позиции были у Демократического форума коммунистов (32%) (ГАРФ. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939. Л. 21–25).

Документы свидетельствуют, что источником вдохновения для начала реформационного движения в Чехословакии в широких массах выступила начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка. Внешний фактор играл куда более важную роль, нежели деятельность мало кому известных диссидентов. В одном из характерных для того времени писем в редакцию журнала «Тыденник актуалит» говорилось: «То, что происходит в СССР, фантастично. Развитие теории и практики строительства социализма невиданно. Вы очищаете наши идеалы от наносов полуправд. Конечно, всё это могут осуществлять только люди, действительно преданные социализму» (ГАРФ. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939. Л. 86). Один из авторов связывал начало перемен в Чехословакии с удачным завершением перестройки в Советском союзе: «Я лично болею за перестройку в СССР... Надеюсь, что, если вам удастся справиться с экономическими, политическими и национальными проблемами, начнется перестройка и у нас». В то же время чехословацкие деятели, которые пытались заглушить эхо советской гласности у себя в стране, попадали под сильную критику (ГАРФ. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939. Л. 90). Анализ внутривнутриполитической обстановки говорит о том, что в 1989 г. Чехословакия являлась самым консервативным звеном социалистической системы. Даже в самых благоприятных исследованиях западные идеологические органы не прогнозировали значительных внутривнутриполитических перемен в ближайшие год–два. В издававшейся на западе газете «Свободная Европа» делались утвердительные заявления: «Имея удовлетворенными свои повседневные материальные желания, рядовые чехи и словаки — несмотря на ворчание широких масс населения и ропот некоторой части коммунистов, а также пример соседей — не смогут решиться на какие-либо серьезные действия для изменения положения в своей стране» (ГАРФ. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939. Л. 84).

Впрочем, случившиеся осенью 1989 г. (17–27 ноября) события в Чехословакии поставили точку в социалистической истории развития страны. Вышедшие на передний план политических преобразований силы ввиду своего особого диссидентского происхождения были явлением

уникальным для мировой практики. Возникнув на второй день после начала активных протестов, Гражданский форум был структурой спонтанной, в которой аккумулировались запросы жителей страны на изменения. Отсюда проистекало то, что в момент зарождения вектор его развития не был чётко обозначен и проистекал из несогласия с действующим положением вещей и желанием перемен. Лозунги «революционеров» базировались на внешнеполитической повестке, где отказ от социализма связывался с отказом ориентации на Восток в пользу Запада. В то же время происходило обращение к внутривнутриполитическим проблемам, среди которых были и экономические вопросы, связанные с необходимостью переориентации торговых поставок из-за высокой зависимости от СССР.

Неудивительно, что несмотря на звучавшие из уст политических деятелей заявления об их желании «вернуть Чехословакию в Европу» у них изначально отсутствовал маршрут намеченного возвращения. Заявления сводились к констатации приверженности европейским ценностям и желании поскорее покинуть военно-политические и экономические блоки, созданные под эгидой СССР (ОВД, СЭВ). Под воздействием событий многое тогда представлялось в ином свете, подчас идеалистично. Так, Вацлав Гавел предполагал, что роспуск ОВД приведет к ликвидации НАТО и созданию независимой системы безопасности для Европы, где Чехословакии была бы отведена «нейтральная позиция» (Куприянов 1989). В феврале 1991 г. на вопрос Чешского информационного агентства о возможном членстве в Альянсе он ответил, что об этом говорить «преждевременно»².

Анализируя природу успеха ГФ и приход во власть наиболее ярких представителей оппозиции³, стоит отметить, что политическая трансформация в Чехословакии проходила сверху. Подобная трактовка противоречит широко распространенному представлению о событиях 1989 г. как о движении, которое сместило коммунистическое господство снизу. Чешский историк Ян Кржен говорит о «дворцовом перевороте», который приветствовался общественностью и был согласован с представителями коммунистического правительства, которое, например, в отличие от своих польских и венгерских коллег не проводило круглых столов с оппозицией, не было поставлено в ситуацию необходимости принятия ультимативного соглашения (Křen 2019: 92).

2 Rozhovor prezidenta České a Slovenské Federativní Republiky Václava Havla pro ČTK. Rozhovor V. Havla ke konverzi, organizacím vojáků, VS a NATO. URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/37162> (дата обращения: 10.02.2021).

3 В. Гавел стал президентом Чехословакии, а А. Дубчек – председателем Федерального собрания Чехословакии.

На волне возросшей популярности успех ГФ на парламентских выборах (июнь 1990 г.) не вызывал сомнений (Задорожнюк 2015: 442). В тех условиях наличие долгосрочной программы было не обязательным условием победы. Между тем, становилось очевидно, что Форум с самого начала был структурой временной и необходимой для транзита власти — от её старых представителей к новым. Поэтому его преобразование в Гражданскую демократическую партию (ГДП) стало явлением закономерным и вписывающимся в логику развития «революционного процесса».

Внедрение нового правового порядка и полномасштабная политическая трансформация начались именно после первых выборов — происходил демонтаж основ коммунистического режима и элементов советского присутствия как в сфере идеологии (изменение названия государства, из которого было изъято упоминание о его социалистической сущности; принятие новой конституции, где подчеркивалась приверженность рыночной экономике и говорилось о значении защиты демократических прав и свобод), так и на практике (проводились переговоры о выводе советских войск; прекращалась работа организаций советско-чехословацкой дружбы).

Новая постсоциалистическая элита в качестве основы устройства создаваемого государства взяла в пример стандартную модель западного многопартийного государства с республиканской формой правления. Впрочем, на первых порах проявилась особая роль президентов, которая выходила за рамки их компетенций. Однако в условиях наличия доставшегося в наследство от прежнего государства бюрократического аппарата и существовавших опасений из-за возможной реставрации прежнего политического режима подобный крен был одобряем в общественном сознании, поскольку позволял пользоваться теми импульсами, которые возникли в ходе «бархатной революции» и ассоциациями, связанными с главными действующими лицами тех событий.

Особенности постсоциалистической трансформации

Неподготовленность почвы к созданию плюралистической политической системы вела к тому, что возникновение многопартийности было сопряжено с рядом особенностей, которые шли вразрез с инструкциями и советами представителей европейских стран, которые активно включились в процесс демократизации нового государства. Партии и движения здесь возникали практически стихийно под воздействием внешних обстоятельств и активно спонсировались из западноевропейских, в основном немецких, и американских фондов (см.: Йенсен 2018: 25). В такой ситуации личная заинтересованность в перспективном деле шла рука об руку с желанием изменить страну к лучшему. Подобный подход, осно-

ванный на внешнем финансировании, не мог обеспечить долговечность и прочность устанавливаемой системы (Mareš, Kreuzigerová, Marian 2006).

Несмотря на постоянные отсылки к прошлому, необходимо отметить, что не произошло возрождения партий, функционировавших в докоммунистический период в межвоенной Чехословакии и в Австро-Венгрии — таких как, например, Чехословацкой аграрной партии, Глинковой словацкой народной партии и др. В то же время пробудились партии, которые были сохранены при коммунистическом режиме и которые использовались чехословацким руководством для придания строю видимости демократии, демонстрации наличия многопартийности. В начале 1990-х гг. преимущество таких партий заключалось в том, что в их рядах уже было значительное количество участников, наличие собственности, газет и функционирующего аппарата. В Чехии показателен пример Чехословацкой народной партии⁴, которая благодаря своей центристской позиции в дальнейшем, исповедуя позицию третьей силы, была готова участвовать в работе любых правительств⁵.

Пребывание в социалистическом лагере, отсутствие конкурентной политической жизни вело к тому, что появляющиеся в начале 1990-х гг. партии имели мало схожего с западными образцами — отсутствовала выверенная годами членская база, и поэтому партии представляли собой скорей избирательные союзы, образовывавшиеся для участия в выборах, решения насущных задач и, как это часто, случалось, исчезали сразу же после завершения голосования, если итог был неудовлетворительным, или задерживались на короткий период времени, чтобы потом раствориться в резко меняющихся перипетиях чехословацкой, а затем чешской и словацкой жизни. В новых партиях объединялись разные люди — отчасти революционные активисты из рядов ГФ и ОПН, но большая часть была представлена новичками, перебежчиками из рядов коммунистов и карьеристами. Большое влияние имели лица, вернувшиеся в страну после эмиграции.

В Чехословакии, в отличие от остальных вишеградских стран (Польша, Венгрия), коммунистическая партия сохранила электоральную поддержку значительной группы населения, резко выступавшей против реформ и смены политического режима. Объяснение этому можно найти в том, что реформистское крыло, направившее свою деятельность на преобразование партии во время «пражской весны» в 1968 г., было ней-

4 Ныне — Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия.

5 С 1990 г. партия шесть раз участвовала в составлении коалиционных правительств (1990, 1992, 1996, 2002, 2006, 2013).

трализовано в результате «нормализации»⁶ 1970-х гг. Поэтому в конце 1980-х гг. в стране отсутствовали силы в КПЧ, способные к внутренней трансформации в сторону социальной демократии. Отсюда следовало и сопротивление чехословацких коммунистов, дольше своих соседей, отказывавшихся уступить власть в 1989 г.

Последовавшая попытка Коммунистической партии Чехии и Моравии стать частью зарождавшегося Левого блока⁷ (также включала Партию демократических левых, «Левой альтернативы») не стала её *modus vivendi*, и поэтому она вернулась к своим корням, оставив в названии принадлежность к коммунистической идеологии и продолжив эксплуатировать «ностальгирующий» по прежнему режиму электорат. Встав в оппозицию к действующей власти, партия при сохранении аудитории, насчитывающей 10–15% населения, была изолирована на политической сцене — правые использовали её в качестве мишени, для сброса своей антикоммунистической риторики, а социал-демократы дистанцировались от неё, презентовав себя в качестве партии модернистского толка. До недавнего времени КПЧМ, остававшаяся «изгоем» политического процесса, в 2018 г. заключила соглашение с движением АНО о поддержке, что позволило его руководителю А. Бабишу сформировать правительство совместно с социал-демократами. Тем самым, можно говорить о беспрецедентном событии в истории постреволюционной Чехии, предоставившем некоторым аналитикам возможность констатировать, что спустя 30 лет после падения коммунизма он начал возрождаться.

Впрочем, что касается словацкой части коммунистической партии Чехословакии, то она была преобразована в Партию демократической левой, где присутствовал отчетливый уклон в сторону социал-демократии. Главный её успех состоял в том, что в 2002 г. ей удалось пробиться в парламент, после чего последовало угасание, которое сохраняется и по нынешний день.

Когда речь идёт о лагере правых, то все партии были новообразованными, в основном они возникли после раскола ГФ и ОПН. В череде слияний и угасаний политических сил стабильной звездой правого лагеря Чехии с начала 1990-х гг. была консервативная либеральная партия — Гражданская демократическая партия (ГДП), притягивающая внимание

6 Нормализация в Чехословакии — комплекс мер коммунистического правительства после Пражской весны 1968 г., который был направлен на нейтрализацию последствий данного события. Прежде всего речь идёт об отказе от демократических нововведений, усилении партийного контроля, ограничении гражданских свобод и подчинении внешней политики страны курсу СССР.

7 Коалиция левых партий, которая возникла в 1992 г. Прекратила существование в 1994 г.

избирателей не только критическим отношением к коммунистическому режиму, но и к ходу проводимых реформ. В Словакии в течение 1990-х гг. не меньшим влиянием обладала партия В. Мечьяра — Движение за демократическую Словакию, — которая была склонна к правой ориентации, но постоянно колебалась из-за зависимости политического курса от предпочтений её лидера, лично определявшего его направление.

В отличие от левого правый фланг стал средой возникновения крайне радикальных партий, например, Словацкой национальной партии (СНП), Республиканской партии Чехословакии, Моравской региональной партии и др. За исключением СНП эти партии были небольшими и «одно-разовыми», рассчитанными на один избирательный цикл и конкретную группу населения, поддерживающую озвученный в их программах консервативный национализм, антиевропеизм, антисемитизм, ксенофобию, расизм и антикоммунизм. Несмотря на радикальность их высказываний, им удавалось преодолевать 5%-й рубеж, необходимый для прохождения в парламент. В 2006 г. СНП впервые вошла в коалиционное правительство левого правительства Р. Фицо, в 2016 г. ситуация повторилась. Во многом это произошло благодаря смене руководства, смягчению высказываний⁸.

Стоит отметить, что в вишеградском регионе активизация подобных партий и актуализации их риторики случилась после 2015 г. из-за разразившегося миграционного кризиса и появления опасений среди населения о проникновении инородного, в особенности исламского, элемента в их страны. Парадоксальна ситуация, сложившаяся в Чехии и Словакии, которые оказались практически не затронуты миграционными потоками, но которые наиболее громко заявили о своем несогласии с политикой Брюсселя в отношении беженцев (Трофимова 2019: 195). На волне широкого недовольства в 2016 г. в Словакии и в 2017 г. в Чехии в местные национальные парламенты прошли крайне правые националистические партии, а именно Народная партия — Наша Словакия под руководством Мариана Котлебы (Ведерников 2020) и Свобода и прямая демократия Томио Окамуры.

Появившиеся на стадии зарождения центральноевропейской демократии партии болели общими детскими болезнями — нестабильность партийной сцены вела к возникновению множества расколов, слияний и споров, подчас лично мотивированных. Партии не обладали широкой

8 На парламентских выборах 2020 г. СНП не сумела преодолеть 5%-й барьер и оказалась «за бортом» национального парламента. Впрочем, такой итог был вызван участием партии в коалиционном правительстве со СМЕР — социальная демократия, которая стала объектом обвинений со стороны оппозиции. Она ставила ей в вину злоупотреблении властью, коррупцию.

членской базой как, например, у западных партий, что вело к резкой и ситуативной смене предпочтений у электората. Как отмечают эксперты, отсутствие исторически мотивированной модели поведения политических субъектов вело к тому, что партии возникали и попадали под влияние «мощных финансово заинтересованных групп», что вело к объединению бизнеса и политики. Результатом стало то, что беспрецедентный интерес к политике и избирательному процессу в странах Центральной Европы начал постепенно угасать, что проявилось в уменьшении явки на выборах. Так, почти 100%-я посещаемость выборов в Чехословакии в начале 1990-х гг. опустилась во второй половине до 80% — в Словакии и 70% — в Чехии. Парламентские выборы 2016 — 2017 гг. привлекли внимание 60% избирателей. На последних парламентских выборах в Словакии в 2020 г. явка составила 66%.

Стабилизация политической жизни

Побочным эффектом «бархатной революции» в Чехословакии стала гиперболизированная роль президента, чьи компетенции *de facto* превышали прописанные в Конституции *de jure* полномочия. Вацлав Гавел трижды избранный на пост главы государства в двух странах — Чехословакии и Чехии — был примером не исключительным, но характерным для Центральной Европы (например, Лех Валенса), где возникавшая с нуля политическая система требовала промежуточный этап для налаживания традиционных политических связей. «Интеллектуал, вплетенный в мир политики, который прилагал усилия изменить реальность не через политику, а через идеи» В. Гавел помог стране подготовиться к наступлению реальной политической жизни, и когда условия были уже сформированы, его деятельность стала ограничиваться, что вписывалось в логику развития парламентской республики (Křen 2019: 174).

Таким образом, как только закончилось «время постреволюционного президента» и стабилизировалась парламентская система, в политике ключевую роль стали играть правительство, парламент и партии. В странах, где до этого долгое время господствовала коммунистическая партия, обладавшая монополией, это стало отождествлением реальной демократии. Свидетельством завершения трансформации политического строя стало 1) чередование левых правительств с правыми, 2) формирование коалиционных правительств и 3) нахождение их у власти в течение двух сроков подряд.

«Коалиционная система, при которой зачастую противники объединяются для совместной работы, по-видимому, является самой подходящей формой, гарантирующей государствам (Центральной) Европы стабильность правительства. ... коалиционная система как будто является

единственно правильной, при которой возможна целесообразная работа», — констатировал еще в 1927 г. министр иностранных дел Чехословакии, в дальнейшем второй президент страны, Эдвард Бенеш⁹. Таким образом, спустя девять лет после образования независимого государства по итогам Первой мировой войны и спустя такой же срок после «бархатной революции» страна шла по проторенному пути, подтверждая единственно возможный вариант существования демократической системы. Рубеж веков — XX и XXI вв. — важен тем, что в это время как в Чехии, так и Словакии произошло подобное чередование — смена одного политического вектора развития на другой. Происходило чередование правительств, были сформированы коалиции и правительства, которые не находились у власти более двух сроков подряд.

Пример в Словакии, где долгое время у власти находился В. Мечъяр (1993–1998 гг., с небольшим перерывом в 1994 г.), поставивший под сомнение курс страны на евроинтеграцию и вступление в НАТО, показывает как либеральная оппозиция объединилась для смещения неугодного премьера с «политического Олимпа» и как старалась изменить вектор развития страны, который в их исполнении им казался более демократичным и соответствующим интересам страны. Для нанесения поражения В. Мечъяру потребовались три попытки и составление правительственной коалиции из 5 партий во главе с Микулашем Дзуриндой (1998–2002, 2002–2006 гг.), где три партии были созданы накануне выборов и исчезли после того как миновала опасность возвращения к власти прежнего премьера. После двух сроков Дзуринды, который возглавил правоцентристский Словацкий демократический и христианский союз (СДЗХ), в 2006 г. его сменило левое правительство Роберта Фицо, председателя партии СМЕР — Социальная демократия.

Чешскую «постреволюционную» политическую жизнь определяла Гражданская демократическая партия В. Клауса, продержавшаяся во главе правящих коалиций на протяжении двух сроков подряд (1993–1996, 1996–1998 гг.). После падения правительства В. Клауса правые во внеочередных выборах лишились преимущества. В течение последующих 8 лет во главе кабинета находилась Чешская социал-демократическая партия — в первый срок, сформировав правительство меньшинства после заключения т.н. оппозиционного соглашения с ГДП, во второй — в трехцветной коалиции с Союзом свободы и Христианско-демократическим союзом. В дальнейшем также имело место чередование, когда после 8-летнего доминирования правой ГДП (2006–2014 гг.) к власти пришла левая ЧСДП, которая, впрочем, лишилась достигнутой позиции в 2017 г.,

9 Министр д-р Бенеш об австрийских делах // Центральная Европа. № 11. 1927. С. 4.

уступив лидерство центристскому движению предпринимателя Андрея Бабиша — АНО.

Таким образом, можно констатировать, что в политической жизни стран Центральной Европы чередование левых и правых правительств, приходящих во власть после заключения коалиционного соглашения, стало вполне обыденным явлением. Так, в Чехии с января 1993 г. из 13 правительств — 3 были техническими. В Словакии было 11 правительств. Если оставить в стороне технические правительства, то соотношение правых и левых будет следующим 13 к 8, в пользу правых (Кřen 2019: 177). Важно отметить, что при этом однопартийные кабинеты были единичны в истории как Чехии, так и Словакии (в обоих случаях кабинет возглавили левые партии — с 1998 по 2002 гг. ЧСДП в Чехии, с 2012 по 2016 гг. СМЕР — СД в Словакии). Таким образом, принцип сменяемости власти подтверждал свою работоспособность.

Правые и левые в Чехии и Словакии

Политика всех четырех вишеградских стран характеризуется чрезвычайной поляризацией между правыми и левыми при наблюдаемой в обоих лагерях склонности к перемещению в центр. Впрочем, извечное существование социально-экономического расслоения общества ведет к тому, что стандартное разделение на два лагеря будет сохраняться и дальше.

Новые левые возникали в результате распада правящих коммунистических партий, при чем приверженные сторонники коммунизма по большей части отказались от участия в политике. Решившие же реформировать коммунизм в сторону перехода на социал-демократическую платформу западного образца вдохновлялись примером «третьего пути», продвигаемого в то время английским премьером Э. Блэром и немецким канцлером Г. Шрёдером.

В Словакии, где была ликвидирована коммунистическая партия, в то же время не удалось в самом начале постсоциалистического пути создать конкурентоспособную социал-демократическую партию. Основанная в 1999 г. известным левым политиком Р. Фицо партия СМЕР (третий путь) (после 2005 г. СМЕР — социальная демократия) долгое время не могла заручиться поддержкой электората для формирования правительства. Левизна СМЕР — СД всегда несла в себе уклон в сторону поддержки националистических лозунгов, не всегда сочетавшихся с идеологией трудового интернационала. Впрочем, взяв на вооружение некоторые инструменты, ранее опробованные В. Мечьяром, партии удалось в 2006 г. сформировать правящий кабинет, а затем уже в 2012 г. заполнить большинство голосов избирателей, что позволило сфор-

мировать одноцветное правительство — на тот момент второй случай среди стран Вишеградской группы.

Если пример Словакии представляет собой классический образец становления социал-демократической партии, возникновение которой произошло в ходе реформистского движения среди постсоциалистических политиков, то чешская социал-демократия возникла иным путем. Ввиду продолжения деятельности коммунистической партии в Чехии социал-демократическая партия появилась благодаря усилиям старых социал-демократов и их единомышленников, которые после событий февраля 1948 г.¹⁰ отказались объединиться с КПЧ и были вынуждены эмигрировать. Возвратившись в 1990-е гг. из добровольной ссылки, они принесли с собой намерение бороться с любыми проявлениями реставрации коммунизма и желание жестко отстаивать завоевания «бархатной революции».

Многочисленные правые партии, появившиеся в 1990-е гг., возникали, как говорилось ранее, практически с нуля, и не имели за собой политического прошлого. В основном это были небольшие партии, на верное, за исключением словацкого Христианско-демократического движения и чешской ГДП. Последняя, пробыв во главе коалиционных правительств суммарно 14 лет, сейчас сильно ослаблена, хотя выборы в Европарламент 2019 г. и региональные выборы 2020г. могли свидетельствовать о намечающемся новом усилении её позиций.

Заметной чертой «радикальных» партий как левого, так и правого толка является то, что, даже заручившись поддержкой населения, они спустя относительно короткое время ослабевают: так, партия М. Дзуринды СДЗХ практически распалась, чешская ТОП 09 сохраняла до недавнего времени единство благодаря сотрудничеству с сильной фракцией STAN. Одновременно с этим чешская социал-демократия находится в затяжном кризисе. Сейчас речь идёт о ее борьбе за присутствие в национальном парламенте и других представительных органах. В то же время словацкие левые, прежде всего СМЕР — СД, удерживают лидерство, хотя прослеживается отчетливая тенденция её ослабления, подтвердившаяся в ходе выборов 2020 г.

Другой особенностью политической системы стран «четверки» является то, что в отличие от относительно стабильной партийной структуры западных стран здесь накануне выборов возникает набор малых партий, которые существуют в течение одного избирательного цикла. Некоторые из них попадают в коалиционные правительства, но в основном как до-

10 В ходе февральских событий 1948 г. к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии. С этого времени начинается преследование оппонентов партии.

полнение к сильным партиям, которые не видят в них иного предназначения. На данный момент словацкая политика демонстрирует наиболее яркий пример партийной раздробленности.

Итоги

Спустя 30 лет после начала трансформации можно констатировать, что Чехией и Словакией пройден долгий путь демократических преобразований, в ходе которого произошла институциональная партийная консолидация, подразумевающая возникновение работающего механизма чередования правительств между партиями левого и правого толка. Политологи связывают стабилизацию постсоциалистических режимов с тремя факторами: 1) качеством государственного управления, 2) возникновением стандартных демократических институтов и 3) одобрением населением проводимых реформ (Holzer, Mareš 2016: 23). Они подчеркивают, что «до тех пор, пока население не станет воспринимать демократию как единственно возможный путь развития сложно говорить о высоком уровне восприятия демократии». Впрочем, опираясь на данные ежегодных отчетов Freedom House, стоит признать, что качество демократии в Чехии и Словакии высокое, если дополнительно принять во внимание, что политическая система была установлена относительно недавно¹¹.

Если первые два пункта за время трансформации подтвердили свою работоспособность, то третий аспект завершенности трансформации часто дает почву для размышлений. Так, согласно Евробарометру местное общество испытывает высокое недоверие к собственному правительству, парламенту и партиям, которое в критические моменты истории иногда достигало уровня в 70–80%. Хуже всего отношение к политическим партиям, которое, например, в период с 1995 по 2002 гг. в Словакии падало с 23 до 5%, в Чехии с 15 до 10%. В последнее время ситуация значительно исправилась. Так, деятельностью партий удовлетворены 39% — в Словакии, 38% — в Чехии¹². В 2019 г. не доверяли собственному правительству 60% чехов и 65% словаков. Скептическое отношение к национальному парламенту было выше и составляло соответственно: 64% (Словакия), 75% (Чехия)¹³. Несмотря на высокие показатели, стоит отметить, что они

11 Countries and Territories. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (дата обращения: 10.02.2021).

12 Democracy and elections. September 2018. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/search/democracy/surveyKy/2198> (дата обращения 10.02.2021).

13 Standard Eurobarometer 91. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2253> (дата обращения 10.02.2021).

незначительно отклонялись от среднеевропейских данных, которые составляли соответственно 60%.

Рост недоверия является общеевропейским трендом, что подтверждает включенность стран Вишеградской группы в европейскую политическую систему с соответствующими ей тенденциями и отклонениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Before the Berlin wall Fell. Hungary, Czechoslovakia and Poland towards the Refugees from the East Germany in 1989. Warszawa, 2019.
- Holzer J., Mareš M. Challenges to Democracies in East Central Europe. Routledge Advances in European Politics. 2016.
- Křen J. Čtvrt století střední Evropy. Visegrádské země v globálním příběhu let 1992–2017. Praha: Karolinum, 2019.
- Mareš P., Kreuzigerová P., Marian J. Zahraniční pomoc v Česku a Československu po listopadu 1989: cíle, formy a výsledky. АМО: Praha, 2006.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939.
- Задорожнюк Э.Г. Чехия // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.
- Йенсен Д. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. №7(86). С. 19–33. DOI: 10.15211/soveurope720181933
- Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О.Е. Трофимовой. М., 2019. DOI: 10.20542/978-5-9535-0562-8

Features of Political Transformation in Post-Socialist Czech Republic and Slovakia

Author. Mikhail Vedernikov, Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate of Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. E-mail: vishma@mail.ru

Abstract. The article examines the results of the political transformation that took place in Czechoslovakia (Czech Republic and Slovakia) after the “Velvet Revolution” of 1989. The collapse of socialism led to the formation of a new political system, which was formed practically “from scratch” on the model of Western European parliamentary democracies. However, the process acquired special Central European features: strengthening of the presidential power, growth of authoritarian tendencies, weakness of party structures, etc. However, after a short time these “anomalies” disappeared. The evidence of the completion of the transformation of the political system, as shown in the work, was 1). alternation of left-wing governments with right-wing governments, 2). formation of coalition governments and 3). finding them in power for two consecutive terms

Key words: Velvet revolution, Czechoslovakia, perestroika, transformation, V. Havel.